

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Притяжение Балтии

*Балтийские русские и балтийские культуры**

Д. ФУРМАН, Э. ЗАДОРЖНИЮК

После распада СССР миллионы русских людей оказались в необычной для русских ситуации национальных меньшинств'. В необычных ситуациях люди и проявляют себя с неожиданных сторон. Они раскрывают такие черты своего характера, своей психологии, о которых часто трудно догадаться, наблюдая их в повседневной жизни. И, видя поведение данных людей в такой ситуации, мы будем по-другому оценивать их в «нормальной» жизни, сможем взглянуть на них другими глазами.

Но если ситуация русских меньшинств вообще необычна, то ситуация, в которой оказались русские в Балтии, вдвойне необычна. Здесь они превратились в меньшинство в единственных странах бывшего СССР с западноевропейского типа культурами (лютеранскими и католическими по своему генезису и своим глубоким основаниям). В единственных странах бывшего СССР, успешно строящих (даже, можно сказать, построивших) демократические рыночные общества западноевропейского типа. В единственных странах, не входящих в СНГ, имеющих жёсткий визовой режим с Россией и близких к интеграции в западные политические структуры (Европейский Союз и НАТО). И в единственных странах, не признающих (кроме Литвы) массу русских, которые приехали после захвата Советским Союзом этих стран, и стремящихся как-то от них избавиться. И естественно, что поведение русских в такой совсем уж необычной, экспериментальной ситуации особенно интересно для понимания русской, и в первую очередь русской советской и постсоветской, психологии и культуры.

По данным Всесоюзной переписи 1989 г., русских в балтийских странах было 1 724 тыс., что составляло 21,8 % населения. В Эстонии русских было 30 % населения, в Латвии — 34 %, в Литве — 9,4 % [Национальный состав... 1991]. Однако это — формальные, паспортные данные о национальности. Фактически русских было значительно больше, ибо многочисленные обрусевшие представители разных национальностей СССР по своей культуре и психологии вполне могут быть причислены к русским. Удельный вес всех лиц, для которых родной язык — русский, был в Эстонии 35 %, в Латвии — 42 %, в Литве — 12 %.

* Статья впервые опубликована в сборнике «Страны Балтии и Россия: общества и государства». М.: Референдум, 2002. Вып. 5. Публикации Музея и общественного центра им. А. Сахарова.

Притяжение Балтии

Представителей балтийских народов среди русскоязычных было ничтожно мало. В Эстонии они составляли 1,8 %, в Латвии — 3,2 %, в Литве — 1,8 % русскоязычных (соответственно 0,3 %, 2,5 % и 1 % от общего числа лиц данной национальности).

Русские в Балтии, как и везде в СССР вне России, в основном представляли собой городское население. В Эстонии в 1989 г. горожане составляли 87 % русского населения, в Латвии — 73 %, в Литве — 11%. При этом особенно велика была (опять-таки, как и везде в СССР) концентрация русских в столицах. Среди жителей Таллина в 1989 г. было 41 % русских и 49 % русскоязычных, среди жителей Риги — 47 % и 58 % (в Риге русских и русскоязычных было больше, чем латышей), Вильнюса — 20 % и 28 %. Некоторые промышленные города в балтийских странах фактически были русскими — Нарва (85,9 % русских и 4 % эстонцев), Кохтла-Ярве и Силламяэ в Эстонии, Даугавпилс — в Латвии (58,3 % русских и 13 % латышей), Снечкус — в Литве².

Среди русского населения можно выделить разные пласты — и пласт совсем «древний», образуемый старообрядцами, бежавшими в XVII—XVIII вв. из России³, и пласт потомков русских, в основном чиновников, переселившихся в Балтию в эпоху империи, и пласт русских послереволюционных белых эмигрантов. (Значительная часть белоэмигрантов, естественно, погибли при присоединении Балтии к СССР или бежали с немцами.) Но подавляющая часть русского населения переселилась в балтийские страны в советскую эпоху.

Так, в Эстонии в 1881 г. русские составляли 3,3 % населения, в 1897 г. — 4 %, в 1922 г. — 8,2 % (значительный рост удельного веса русских с 1897 по 1922 г., очевидно, связан с белой эмиграцией), в 1934 г. — те же 8,2 %, в 1959 г. — 20,1 %, в 1970 г. - 24,7 %, в 1979 г. - 27,9 %, в 1989 г. - 30,3 %. В Латвии в 1897 г. - 8 % русских, 1914-1917 гг. - 9,6 %, 1939 г. - те же 9,6 %, 1959 г. - 26,6 %, 1979 г. - 32,8 %, 1989 г. - 34 %. В Литве в 1897 г. - 5,1 %, 1914-1917 гг. - 5,9 %, 1939 г. - 3,4 %, 1959 г. - 8,5 %, 1979 г. - 8,9 % и в 1989 г. - 9,4 % [Кабузан 1996, с. 343].

Больше всего русских приехало в балтийские республики в конце 1940-х—1960-х годах. В 1970-х—1980-х годах в связи с резким падением рождаемости русских и консолидацией национальных обществ в республиках СССР, где русские начинают себя чувствовать всё более неуютно, начинается процесс сокращения удельного веса русского населения в других республиках, в том числе и за счёт начавшегося возвращения русских в Россию. (Процесс, бывший симптомом грядущего распада СССР.) В Балтии, однако, сокращения численности русских и их удельного веса не происходит. Происходит лишь некоторое снижение темпов русской миграции и темпов роста численности и удельного веса русских в Эстонии и Латвии, в то время как в Литве темпы роста русского населения за счёт миграции даже увеличиваются⁴.

Русские в Балтии в основном были работниками создававшихся при советской власти громадных предприятий союзного подчинения — рабочими и инженерами⁵. Во всех трёх республиках их удельный вес был (и есть) выше в рабочих и инженерных профессиях и ниже — в крестьянстве и среди творческой, гуманитарной и научной интеллигенции (что, опять-таки, скорее является общесоветской, чем специфически балтийской закономерностью)⁶. Сразу же после захвата СССР Балтии, естественно, много русских, присланных сюда Москвой (а также обрусевших представителей балтийских народов, живших до этого в России), оказались на высших должностях государственной и партийной

иерархий, но со временем ситуация изменилась. В конце советской власти в партийной бюрократии балтийских республик русские уже были скорее недопредставлены⁷. В компартиях, однако, их удельный вес оставался выше, чем удельный вес в населении. К концу советской власти в компартии Эстонии было 50 % эстонцев и 39 % русских, в компартии Литвы — 71 % литовцев и 17 % русских, а в компартии Латвии русских было даже больше, чем латышей (40 % латышей и 43 % русских) [*Krupavicius* 1998, p. 168]. Естественно, русские преобладали среди военных стоящих в Балтии частей. Очень много русских было в милиции. В Риге, Вильнюсе и Таллине к 1991 г. более 80 % милиционеров были русскими [*Lieven* 1993, p. 322].

Хотя в разных социально-профессиональных группах русские, как мы видели, были представлены по-разному и хотя существовали и существуют большие отличия в социальном составе русского населения отдельных балтийских республик и отдельных регионов в этих республиках (ясно, например, что социальная структура русской Нарвы отличается от социальной структуры русского населения Таллина), в целом нельзя сказать, что социальный состав русского населения отличался от социальной структуры балтийских народов принципиально. Русские не были, как это часто утверждалось в балтийской публицистике периода борьбы за независимость, «низами» балтийских обществ, «гастарбайтерами», выполняющими непрестижную, неприятную и низкооплачиваемую работу (хотя и принадлежали к народу, официально считавшемуся «старшим братом»). Р. Мисиюнас и Р. Таагепера пишут: «В балтийском массовом представлении об иммигрантах на первом плане находится фигура необразованного и некультурного русского рабочего-строителя. Но статистика говорит, что средний образовательный уровень русских и украинцев в балтийских республиках был даже несколько выше, чем у самих балтийских народов» [*Misiunas, Taagepera* 1993, p. 216]. Но они не были и «верхушкой» советских балтийских обществ, народом господ, подобно предшествовавшим завоевателям-«мигрантам» в Балтии — немцам.

И как русские не занимали в балтийских обществах какой-то совсем уж особой социальной ниши, так и по отношению к русскому народу в целом они не представляли собой (за исключением относительно небольших групп «досоветских» русских) особой социально- и культурно-маргинальной или даже своеобразной группы. Это — «нормальные» русские советские люди. Может быть, даже несколько «более советские» по психологии и культуре, чем население центральной России, в силу того что среди них недопредставлены традиционалистское крестьянство и гуманитарная интеллигенция и перепредставлены рабочие и инженеры — те самые мобильные советские люди, которые ехали за длинным рублём или по зову партии в разные необжитые уголки СССР.

Это очень важно для правильного понимания отношений русских в Балтии и балтийских народов. Это не отношения представителей разных социальных классов, а представителей разных культур, причём балтийские русские — «нормальные», репрезентативные представители своей, русско-советской, культуры.

Прежде чем перейти к вопросу об отношении русских к балтийским народам, в среде которых они оказались, посмотрим, каким было отношение балтийских народов к приезжим. Отношение коренных народов Балтии к русским, народу-завоевателю, хорошим быть не могло. Английский корреспондент, кото-

Притяжение Балтии

рому в 1944 г. в составе группы корреспондентов стран-союзников удалось побывать в недавно освобождённом от немцев Таллине, писал: «Вскоре нам стало очевидно, что эстонцы ненавидят и презирают русских... Я не думаю, что кому-нибудь из нас встретился человек, у которого нашлось доброе слово о русской реокупации» [*Misiunas, Taagepera* 1993, p. 72].

Но русские были не просто завоевателями, они были «ещё хуже» — «колонизаторами», «колонистами», наплыв которых постепенно менял национальный состав населения Балтии и национально-культурный облик балтийских стран. Эстонцы, латыши и, в меньшей степени, литовцы с ужасом наблюдали, как из года в год растут число и удельный вес мигрантов. Наиболее угрожающим было положение в Латвии, где к 1989 г. удельный вес латышей в населении снизился до критической цифры — 52 %. Очень легко было предположить, что лет через 30—50 народы Балтии превратятся в меньшинства в своих странах. Русские мигранты, таким образом, были не только живым напоминанием об утраченной независимости, о том, что народы Балтии больше не хозяева в своём доме, но и носителями совершенно реальной смертельной опасности, нависшей над национальным существованием балтийских народов, во всяком случае латышей и эстонцев.

Естественно, что мигранты вызвали ненависть, сочетавшуюся с презрением и ощущением собственного превосходства. В условиях СССР эту ненависть приходилось подавлять, но от этого она не только не исчезала, но становилась ещё ожесточённой. В Эстонии почти открыто распевали песню, в переводе звучащую приблизительно так: «Убирайтесь, убирайтесь из нашей страны те, кто ест эстонский хлеб, но не говорит по-эстонски» [*Misiunas, Taagepera* 1993, p. 715].

А. Ливен пишет: «Я видел эстонцев, обычно таких спокойных, которые буквально тряслись от ненависти, когда говорили о "азиатских, монгольских варварах", которые поселились среди них, и об их грязных привычках»⁸. Эта ненависть и презрение воспринимались буквально с молоком матери. А. Ливен сам слышал, как матери ругали и стыдили своих детей: «Ты кушаешь, как русский» и «Ты ведешь себя, как русский» [*Lieven* 1993, p. 185—186]. Эстонский эмигрант американский исследователь Т. Пармит пишет: «...эти мигранты стали символизировать московское правление в Эстонии. ...Русские стали мишенью бесчисленных этнических шуток. Практически всё плохое в Советской Эстонии определяется местными уроженцами как *vene vark*, или "русское дело"» [*Panning* 1978, p. 56]. В Латвии и Литве отношение было приблизительно таким же, может быть, в Литве, где русских было меньше и угроза от них так не ощущалась, чуть получше.

Как только исчез или даже ослаб страх и появилась надежда на свободу и национальное спасение, ненависть и презрение стали выплескиваться наружу в балтийской публицистике и в разных, иногда совершенно гротескных, высказываниях балтийских политиков. Крупный и вполне «респектабельный» политик Эстонии, один из создателей НФЭ Тийт Маде мог сказать в 1988 г.: «Редко можно встретить приятного, дружелюбного и добродушного русского. Их почти нет... Агрессивность, необходимость показать силу и выдавание чужих успехов за свои... Даже в любви проявляются агрессивность, насилие. После изнасилования женщины приходят любовь и наслаждение... Русские должны почувствовать, что империя распадается. Надо, чтобы они испытали потрясение и поняли, что не являются центром земли» [Советская Эстония 1989, с. 3]. В публицистике

балтийских народов в этот период общим местом были обвинения русских «мигрантов», в образе которых причудливо сочетались два плохо вяжущихся друг с другом, но одинаково неприятных аспекта («люмпены» и господ-колонизаторы), в общей некультурности, пренебрежении культурами и традициями балтийских народов, нежелании учить балтийские языки и т. д. И, как это часто бывает, эмоционально окрашенные стереотипы массового сознания легко проникали в научную литературу. Например, Р. Мисиюнас и Р. Таагепера пишут, что «...мигранты представляли собой чуждый класс колониальных господ, не способных и не желающих интегрироваться в национальные балтийские языки и культуру» [*Misiunas, Taagepera* 1993, p. 129].

Ненависть балтийских народов к русским абсолютно естественна и осуждать её так же бессмысленно, как осуждать ненависть к немцам, которую испытывали русские после войны. Но, как любая ненависть, вообще, как любое сильное чувство, она искажает восприятие, не даёт увидеть других, не соответствующих этой ненависти, черт ненавистного объекта. Как мы постараемся показать, реальность была неизмеримо сложнее, и отношение русских к балтийским народам отнюдь не укладывается в упрощённую картину, существовавшую в балтийском массовом сознании и в балтийской перестроечной публицистике.

В отношении русских к балтийским народам, естественно, присутствовал комплекс чувств и идей «освободителей—завоевателей» («мы их спасли от немцев, что бы было с ними без нас») и «главного» народа СССР, «старшего брата». Присутствовала и та «бесчувственность», с которой громадный народ, национальному существованию которого ничего не угрожает, склонен воспринимать национальные чувства маленьких народов, чьё существование находится под угрозой⁹. Присутствовали и негативные чувства, вызванные балтийской враждебностью и отчуждённостью и отчасти компенсирующие то ощущение русскими балтийского превосходства, о котором мы скажем ниже (все русские слышали, что «они помогали немцам», говорилось даже, что балтийские народы в душе — фашисты и что в Балтии празднуют день рождения Гитлера). Но при этом есть очень много относящихся даже к советской эпохе данных, которые говорят о громадной привлекательности для русских балтийских культур, балтийских «стилей жизни» и стремлении значительного числа русских интегрироваться в балтийские общества, если не просто ассимилироваться¹⁰.

Возьмём, например, самые элементарные данные о владении русских балтийскими языками. В 1989 г. среди русского населения Эстонии эстонским владели 14,9 %, русского населения Латвии латышским — 22,2 %, русского населения Литвы литовским — 37,5 %¹¹. Естественно, что это — значительно меньше, чем удельный вес владеющих русским представителей балтийских народов. Среди эстонцев свободно владели в 1989 г. русским 34,5 %, латышей — 68,3 %, литовцев — 38 %¹². В период перестройки и возникновения в Балтии «интердвижений» появилась даже такая шутка: человек, знающий два и более языков, — националист, а человек, знающий один язык, — интернационалист. Но попытаемся все же оценить цифры, характеризующие знание русскими балтийских языков.

Цифры 14,9 %, 22,2 % и 38 % вроде бы невелики. Но мы должны учитывать, что если эстонцы, латыши и литовцы обучались русскому в обязательном порядке и русский язык в условиях СССР был действительно необходим, то у русских не было ни тех возможностей, ни тех стимулов для изучения балтий-

Притяжение Балтии

ских языков, как у балтийских народов для изучения русского. Хороших условий для обучения у русских не было, самостоятельно выучить чужие и очень непохожие на русский языки очень трудно. Многие русские отнюдь не были уверены, что проживут всю жизнь в Балтии, советская идеология говорила об отмирании национальных различий и об особой роли русского языка. Наконец, многие русские жили в городах типа Нарвы, Даугавпилса или Снечкуса, где составляли подавляющее большинство, и говорить им на балтийских языках было просто не с кем.

Кроме того, всё надо оценивать в сравнении. Данные той же переписи 1989 г. показывают, что на Украине свободно владели украинским 32,8 % русских, в Белоруссии белорусским — 24 %. При этом балтийские языки неизмеримо труднее для русских, чем украинский и белорусский. В азиатских же республиках владение русских местными языками было во много раз меньше, чем в балтийских: в Киргизии — 1 %, Туркмении — 2,4 %, Таджикистане — 3,6 %, Казахстане — 0,8 %, Узбекистане — 4,5 %.

Перепись 1989 г. выявляет и относительно большое число русских, считающих балтийские языки родными, т. е. полностью «балтифицированных» (скорее всего в основном это лица, принадлежащие к «старым русским» семьям, живущим здесь до 1940 г.). В Литве таких — 14 тыс., Латвии — 10 тыс., Эстонии — 6 тыс. Это, конечно, очень небольшой процент от живших в Балтии русских. Но опять-таки оценить эти цифры можно только в сравнении, и тогда они предстают, как очень большие. В Казахстане, например, где русских было 6,2 млн, родным считали казахский только 580 человек, в Киргизии из 917 тыс. русских — 85 человек, в Таджикистане из 388 тыс. — 184 человека.

Если принять всё это во внимание, мы должны будем признать, что приведённые выше цифры отнюдь не такие уж маленькие. Во всяком случае, они говорят о том, что сила притяжения балтийских, западного типа, культур была для русских во много раз больше, чем азиатских и родственных русской восточнославянских культур¹³. Более того, на наш взгляд, в цифрах, говорящих о владении русскими балтийскими языками и, наоборот, владении балтийскими народами русским, цифрах, в значительной мере характеризующих не реальную, а «идеологически приукрашенную», желательную для респондентов и отвечающую их представлениям о «правильном», «приличном» картину можно увидеть и согласие части русских с балтийским взглядом на них «сверху вниз», на который они отвечают взглядом «снизу вверх». Русские несколько преувеличивали знание балтийских языков, ибо это знание воспринималось как престижное, повышающее статус, в то время как представители балтийских народов несколько преуменьшали своё знание русского: сказать, что ты хорошо знаешь русский, для многих из них было унижительно, стыдно.

Есть много других разного рода данных, включая данные некоторых произведённых в советское время социологических исследований, подтверждающих наличие даже в советскую эпоху у русских «гражданских оккупантов» взгляда «снизу вверх» на народы, которые они подчинили и которым официальная идеология отводила роль «младших».

Так, русские, вроде бы представители господствовавшей в СССР нации, оценивали перспективу браков с представителями балтийских народов значительно выше, чем эстонцы, латыши и литовцы перспективу брака с русскими.

Например, среди литовских учеников и студентов Вильнюса в 1987 г. негативно оценивали брак с русскими 40 %, а среди русских брак с литовцами — 9 % [Zvinkliene 2000, p. 155]. И детям от смешанных русско-балтийских браков родители скорее выбирали балтийскую, а не русскую национальность. Так, в 1960—1968 гг. из достигших совершеннолетия детей от смешанных браков выбрали балтийскую национальность в Таллине — 62 %, в Риге — 57 %, в Вильнюсе — 52 % [Misiunas, Taagepera 1993, p. 217].

А. Ливен пишет: «Очень большой процент балтийских русских были готовы признать, что балтийские народы обладают более высокой гражданской культурой, что они чистоплотнее, у них больше порядка и они более трудолюбивы» [Lieven 1993, p. 178]. И хотя государственная политика была направлена на русификацию нерусских народов, включая балтийские, в странах Балтии в какой-то степени шёл и противоположный процесс «балтификации» русских.

На наш взгляд, едва ли не в большинстве публикаций о русских в Балтии авторы обращают внимание прежде всего на то, что лежит на поверхности и что поэтому не так интересно. Ясно, что большинство русских не учили трудных балтийских языков, которые в советских условиях не были особенно им нужны для работы и жизни. Тут нет никаких проблем и не возникает никаких вопросов. Если можно не учить трудный язык, без которого вполне можно обойтись, никто, кроме особых любителей, его учить и не будет. Удивительно другое: многие учили.

Также более чем естественно, что большинство русских в Балтии были против окончательного распада СССР, превращения России, их Родины, в «заграницу», а самих себя — в национальные меньшинства. Кроме того, следует вспомнить атмосферу перестроечной эпохи в Балтии и роль для национального движения балтийских народов проблемы мигрантов. Разумеется, многие балтийские политики стремились привлечь русских на свою сторону, охотно давали им (и российским демократам — своим союзникам) разные гарантии их равноправия в независимых Эстонии, Латвии и Литве и старались включить каких-нибудь русских в руководство своих «Народных фронтов». Но ненависть вырывалась наружу¹⁴. На учредительном съезде Народного фронта Эстонии в одной из резолюций о мигрантах (т. е., на деле, об эстонских русских) говорилось, как о «громной массе низкоквалифицированных и некультурных людей» (что, как мы видели, просто не правда).

Непосредственной угрозы погрома или террора русские, может быть, и не ощущали, но они жили в атмосфере постоянных оскорблений и обвинений¹⁵. Объективно национальные движения балтийских народов сделали достаточно много, чтобы напугать русских, и возникновение во всех трёх республиках «интердвижений» и «интерфронтов» — явление совершенно нормальное. Здесь тоже нет ничего удивительного, и в связи с этим никаких вопросов не возникает. Опять-таки удивительно скорее другое — что к этим «интердвижениям» примкнули далеко не все русские, что даже в этих условиях было значительное меньшинство русских — сторонников независимости Балтии, роль которых в достижении этой независимости громадна и недооценена.

«Единство», «Интерфронт» и «Интердвижение», их шумные демонстрации, попытки захвата зданий парламентов, террористическая активность ОМОНа — всё это привлекало в тот период внимание, оказывалось на экранах телевидения

Притяжение Балтии

и на страницах газет. Но активные сторонники СССР были меньшинством русских. А. Ливен пишет: «Если принять во внимание колоссальный удельный вес русских в населении, мы можем сказать, что отклик местных русских на призывы к митингам, забастовкам и политическому сопротивлению... был ничтожно слабым» [Lieven 1993, p. 178]. И было другое меньшинство, не такое шумное, но отчётливо выступавшее на всех голосованиях этого времени. Наряду с эстонским, латышским и литовским сепаратизмом был и русский сепаратизм, направленный на отделение балтийских республик от СССР и России.

Уже на выборах в верховные советы в 1990 г. стало очевидно, что значительная часть русских голосуют не за «интернационалистов», а за «Народные фронты». Согласно опросу, проведенному в Эстонии в мае 1990 г., за Эстонию как союзную республику в составе СССР были 0 % эстонцев и 21 % русских, за независимое государство в составе конфедерации — 1 % и 46 %, за полностью независимое государство вне СССР — 96 % и 26 % [Return to the Western World 1997, p. 91]. Различия русских и эстонцев — большие и очевидные. Но не менее очевидно и другое. Даже в 1990 г. лишь меньшинство русских — за СССР и крайних сепаратистов; тех, кто за полное отделение от СССР и России, — больше, чем сторонников СССР. Но наиболее чётко русское «сепаратистское» меньшинство проявило себя в ситуации реального исторического и «экзистенциального» выбора — в референдумах и имеющих значение референдумов опросах о независимости.

Точных данных о том, сколько представителей балтийских народов и сколько русских голосовали в разных ситуациях за и против независимости и за и против СССР нет, и балтийские публицисты, и учёные называли разные цифры. (Как правило, сразу же после референдумов, когда надо было подчеркнуть, что движение за независимость не носит характер узкоэтнический, а поддерживается всем населением республик, называлась максимальная возможная цифра русского голосования за независимость, а затем, когда нужны были аргументы в пользу исключения «мигрантов» из политики и надо было подчеркнуть их глубоко реакционный и коммунистический характер, называли минимальную.) Тем не менее есть косвенные данные, которые позволяют утверждать о голосовании значительного меньшинства русских за отделение от СССР и России.

В марте 1991 г. в Эстонии проводился референдум о восстановлении независимости. В нём участвовали 82,86 % избирателей. За независимость — 77,83 % участвовавших, т. е. 64,49 % всех лиц, имеющих право голоса. Против — 21,43 % (17,77 %). Между тем эстонцев в Эстонии только 61,5 %, и несомненно, что за независимость голосовали всё же не 100 %. То, что значительное меньшинство русских голосовали за независимость Эстонии, видно при более детальном рассмотрении результатов голосования. Так, в Нарве эстонцев всего 4 %. В референдуме приняли участие 70,11 %. За независимость — 25,49 % (17,87 %). В Силламяэ, где эстонцев 3 %, к урнам пришли 25,38 %, за — 40,45 % (10,26 %). В Нарве за несколько дней до эстонского референдума местными русскими властями проводился опрос. Жителям было предложено ответить на вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы суверенная Эстония оставалась в составе СССР?» Кажется, вопрос поставлен так, что сказать «нет» для русского человека очень трудно. В формулировке нет ничего «антиэстонского» и даже нет ничего против идеи эстонской независимости. Фактически вопрос стоит о сохранении связей

Д. Фурман, Э. Задорожнюк

с Россией, о том, превращаются или нет Эстония и Россия в «заграницы» друг для друга. И тем не менее «против» в этом городе с подавляющим большинством русских высказались 19,1 % [The Estonian Independent 1991; Молодёжь Эстонии 1991; Советская Эстония 1991]. По подсчётам эстонских социологов, за независимость были около 30 % русских. Мы не совсем понимаем, как возникла эта цифра, и, возможно, она даже несколько преувеличена. И тем не менее эстонские авторы сопровождают эту цифру словом «только» [*Vihalemm, Lauristin* 1997, p. 285]. Мы думаем, что даже если эта цифра завышена и реально за независимость голосовали не 30, а 15—20 %, всё равно эти цифры надо сопровождать не словом «только», а словом «целых»¹⁶.

В Латвии на референдуме марта 1991 г., несмотря на призыв «Интерфронта» и компартии к бойкоту, к урнам пришли 87,6 % избирателей. За независимость высказались 73,75 % голосовавших, т. е. 64,6 % всех избирателей, латышей же в населении всего 52 %. За независимость высказались даже большинство жителей Риги (60,7 % при 47 % русских) и Даугавпилса (51,3 % при 58,3 % русских). В проводившемся же властями СССР референдуме о судьбе СССР участвовало только 22,9 % населения (за сохранение СССР — 95,1 %) [*Levits* 1991, S. 197-198.; *Melvin* 1995, p. 36].

В Литве, согласно данным социологов, на опросе 11 марта 1991 г. независимость поддержали 38,2 % русских, выразили сомнение 34,9 %, резко против были только 12,9 %¹⁷.

Мы видим удивительно большое, на наш взгляд, меньшинство русских, высказывавшихся и голосовавших за независимость балтийских стран¹⁸. Можно ли сказать, что эти люди не понимали, за что они голосуют? Не думаем.

Безусловно, в головах всех русских людей в тот период была полная каша. Безусловно, значительную роль в поведении балтийских русских сыграла позиция Ельцина и российских властей, боровшихся за развал СССР и уверявших русских в Балтии, что от достижения балтийскими странами независимости выиграют все и что борьба против балтийской независимости — это борьба против России. Безусловно, лидеры балтийских движений за независимость уверяли русских, что им будет очень хорошо и лишь немногие особо проникательные русские могли предположить, что большинство из них окажутся в Эстонии и Латвии без гражданства. Всё это так. Но не понимать, что они будут меньшинством в другой стране, причём меньшинством нелюбимым, если не «негражданами», то «гражданами второго сорта» и что Россия станет для них «заграницей», голосовавшие за независимость балтийских республик русские не могли. Люди, ответившие на нарвском референдуме «нет» на вопрос о пребывании «суверенной» Эстонии в СССР, — это люди, сознательно шедшие на разрыв с Россией, выбиравшие другую, «западную», страну.

Очень важно подчеркнуть, что это не идеологический выбор между демократией и коммунизмом, а именно культурный выбор между западным обществом и Россией, ибо совершается он в ситуации, когда сама Россия провозглашает «западный» выбор, своё намерение стать демократической и рыночной страной¹⁹. Очевидно, это — меньшинство стремящихся к такому же выбору, но не верящих в его возможность или лёгкость для России²⁰, предпочитающих сразу оказаться в западном мире, а не сомнительную для них перспективу строить западного типа общество вместе со всеми русскими²¹. Независимость

Притяжение Балтии

балтийских стран для голосовавших за неё русских нечто вроде эмиграции, но эмиграции более лёгкой, без особых хлопот и даже вообще без перемещения в пространстве.

Если понимать под словом «культура» не список великих имён (Пушкин, Толстой и т. д.), а устойчивый стиль разных проявлений жизни народа, в том числе и политической и экономической, то, что является инвариантом при разных, даже противоположных системах, возникающих в истории народа, что сближает, например, самодержавие, советскую власть и постсоветское устройство, которого в то время ещё не было, мы можем сказать, что это — меньшинство, которому не очень-то нравится эта (его собственная) культура.

Получив независимость, народы Балтии обрели возможность исключить «мигрантов» из политического общества. Все обещания, щедро раздававшиеся русским в период борьбы за независимость, были забыты, как были забыты и договоры, заключённые в это время с Ельциным, которые, как выяснилось, не имели юридического значения. Реализовались не радужные картины, рисовавшиеся теперь оказавшимися в нелепом положении маргинализированными русскими деятелями Народных фронтов, а скорее мрачные пророчества «интервов».

Если Литва, где русскоязычное население — относительно небольшое меньшинство, выбирает «нулевой вариант» предоставления гражданства и все жители этой страны становятся гражданами²², то Эстония и Латвия, где русских и русскоязычных значительно больше и, следовательно, значительно сильнее страх перед ними, в строгом соответствии с доктриной непризнания последствий незаконной оккупации гражданство предоставляется лишь потомкам граждан 1940 г. Ещё в 1996 г. 65 % опрошенных эстонцев полагали, что эстонские русские мечтают о возвращении Эстонии в состав России. И только 32 % считали, что они лояльны. Среди русских опрошенных уверенность в русской лояльности выразили 69 % (см.: [Vihalemm 1999, p. 282]).

Русских прямо призывают уезжать, обсуждают различные планы, как заставить их это сделать, и даже открыто угрожают. Снисхождения не проявляют даже к самым лояльным русским. 28 июня 1992 г. граждане Эстонии на референдуме высказались против предоставления гражданства вне установленного сложного порядка и экзамена на знание эстонского тем 5 тыс. русских «мигрантов», которые подали заявления о гражданстве ещё до достижения независимости. Экономические соображения, когда речь идёт о том, чтобы избавиться от русских, никакой роли не играют. В 1993 г., в период очень сложной в Эстонии, как и на всём посткоммунистическом пространстве, экономической ситуации, создаётся неправительственный «Деколониционный фонд», ставящий целью помочь русским «убраться в Россию», а затем эстонское правительство выделяет для этой цели 10 млн крон. Каждый отъезжающий россиянин имеет право получить от эстонского правительства 1700 крон.

В Латвии, где русских и русскоязычных больше всего, давление на них, очевидно, ещё больше. В августе 1992 г. Комитет Конгресса граждан Латвии принял такое обращение к русским: «Вы живёте на латвийской территории нелегально... Вот почему Конгресс граждан Латвийской Республики... предлагает вам покинуть латвийскую землю. Вы всё равно будете вынуждены сделать это раньше или позже. Задерживаясь с отъездом, вы провоцируете деятельность тех, кто

Д. Фурман, Э. Задорожнюк

готов разрешить проблему деколонизации Латвии силовым путём, что не в ваших и не в наших интересах» [Lieven 1993, p. 308]. Лидер одной из крупных латвийских партий, неоднократно входившей в правительства и даже возглавлявшей их, Движение за национальную независимость Латвии (ДННЛ) Висвальдис Лацис, обращаясь к русским, так объясняет им их положение: «Вы не граждане второго сорта, вы никто» [Kolstoe 1995, p. 123]. В 1993 г. пресс-секретарь Департамента гражданства и иммиграции Латвии заявляет: «Департамент всё время напоминает и подчёркивает, что всем этим 700 тыс. жителей рано или поздно придётся уехать из Латвии» [Антоне, Цилевич 1997, с. 15]. В апреле 1997 г. заместитель генерального секретаря ДННЛ Т. Лаце, выступая на митинге солидарности с Чечнёй, говорит: «Настанет день, когда мы выгоним русских и проживём свободно». И хотя на референдуме в июне 1998 г. незначительным большинством (52,5 % против 45 %) всё же был одобрен закон, предоставляющий права гражданства детям неграждан, родившимся на территории Латвии после 21 августа 1991 г., ясно, что принять его позволили лишь голоса нелатышей [Котов 1999, <http://www.press.lt/cgi-bin/>].

Без гражданства оказываются громадные массы русского и русскоязычного населения этих стран, часть которого вынуждено приобретать гражданство России, часть — местные паспорта неграждан. Перспектива принятия эстонского и латвийского гражданства, требующая сдачи труднейшего экзамена, для этих людей очень сложна²³.

В Эстонии в 1996 г. получили эстонское гражданство 29 % русскоязычных, 12 % подали заявления на получение, но ещё не получили, 18 % получили российское гражданство и ещё 6 % подали соответствующие заявления и 35% — лица без гражданства [Vihalemm, Lauristin 1999, p. 286]. В Латвии, по данным 1997 г., удельный вес граждан бывшего СССР, не получивших никакого иного гражданства, — 27,15 % [Latvijas Demografiskas Gadagramata 1997, p. 33]. По процедуре натурализации с 1994 г. (когда был принят закон о гражданстве) до 1999 г. здесь гражданство получили только 13 тыс. из 640 тыс. неграждан. Естественно, что неграждане попадают в ситуацию вполне ощутимой и многообразной дискриминации во всех сферах жизни²⁴. Таким образом, возникает громадная масса неполноправного русского и русскоязычного населения, которое буквально выталкивается из балтийских стран.

К этому надо добавить не связанное непосредственно с сознательным «выталкиванием» русских, но действовавшее в том же направлении резкое ухудшение экономической ситуации в балтийских странах в этот период, которое затронуло русских с особенной силой, поскольку в критическом положении оказались прежде всего громадные предприятия, ранее бывшие в союзном подчинении. В Эстонии, например, с 1989 по 1995 г. потеряли работу 36 % русских и 18 % эстонцев. В 1995 г. безработица среди русских Эстонии активно трудовых возрастов была 11 %, эстонцев — 8 %, в 1996 г. 23 % русских и только 11 % эстонцев сообщили, что они были без работы за период после возвращения независимости, по крайней мере, полгода [Vihalemm, Lauristin 1997, p. 289]. При этом, хотя в резком ухудшении положения русских вполне можно и не видеть следствия сознательной политики «выталкивания», русские, как это часто бывает в подобных ситуациях, такую связь усматривали. В 1993 г. 64 % опрошенных эстонских русских считали, что на их положение негативно влияет их национальность (Op. cit, p. 291).

Притяжение Балтии

Наконец, возникли болезненные для многих русских трудности, связанные с поездками в Россию к родственникам и друзьям. Если в 1988 только 10 % русских в Эстонии сказали, что они не посещали в течение прошлого года своих родственников и 23 % — своих друзей в России, то в 1993 г. соответствующие цифры возросли до 34 % и 47 %. Удельный вес не совершавших в течение года деловых поездок в Россию увеличился с 69 % до 83 % [Vihalemm 1999, p. 286].

Таким образом, положение русских после достижения Балтией независимости — крайне трудно. Они оказываются в роли неполноправного и активно нелюбимого меньшинства и их экономическая ситуация резко ухудшается. Им постоянно напоминают, что они теперь не хозяева и даже не граждане, «вообще — никто» и что если им что-то не нравится, пусть уходят в Россию. Им угрожают, им даже готовы заплатить, лишь бы они уехали. Что же делает меньшинство, оказавшееся в такой ситуации?

В 1991 г. многим казалось, что достижение независимости и исключение «мигрантов» из политической жизни должно привести к какому-то взрыву, что балтийские страны не избегнут судьбы Молдовы. Тот же А. Ливен, очень умный и внимательный наблюдатель, прекрасно видящий слабость русского движения против балтийской независимости, писал: «Озабоченность статусом балтийских русских, которую я выражаю здесь ...проистекает не от какой-то особой симпатии к ним.... а от твёрдой уверенности, что они опасны» [Lieven 1993, p. 174].

Но если такая опасность и была, то, во всяком случае, она не реализовалась и, следовательно, не была такой уж большой. Как пишет тот же А. Ливен, «самые громкие жалобы на угнетение русских ...исходят не от самих этих русских, а от Москвы» [Op. cit., p. 302]. Движение «интергов» за сохранение СССР не было прелюдией к ирредентистскому движению русских. После распада СССР интердвижения быстро сходят на нет, а автономистски-сепаратистские поползновения в регионах с большинством русских — Нарве и Даугавпилсе — также оказываются очень слабыми, и сейчас они почти забыты²⁵.

Русские не очень-то воспользовались и теми возможностями, которые предоставила им парламентская демократия. (Хотя большинство русских в Эстонии и Латвии — неграждане и не имеют права голосовать, всё же 14 % эстонских и 28 % латвийских граждан — русские.) Никаких единых политических организаций, представляющих всю общину, так и не было создано ни в одной из республик. Партий, правда, было создано даже больше, чем нужно, но при этом русские предпочитали голосовать не за русские партии, а за наиболее умеренные в отношении русских партии коренных народов²⁶. В результате во всех парламентах русские значительно недопредставлены по отношению к их удельному весу среди граждан, имеющих право голоса²⁷. Вообще, защищающие русские интересы организации в Балтии крайне слабы. В Эстонии, например, в 1993 г. только 1 % русских были связаны с какими-либо русскими организациями (см.: [The Baltic States 1994, p. 201-202])²⁸.

В этой слабости организованного русского сопротивления, крайне низкой способности к самоорганизации и готовности безропотно принимать власть, какой бы чуждой и даже враждебной она ни была, можно увидеть те же национальные черты, которые так ярко проявились и в политической жизни постсоветской России, где невиданное обнищание населения не только не привело к организованному сопротивлению, но даже не помешало властям выигрывать

все действительно значимые «дихотомические» голосования. Безропотное принятие балтийских властей и своей судьбы несомненно имеет во многом те же психологические основания, что и безропотное принятие ельцинских реформ. Но всё же, как мы попытаемся показать, здесь дело отнюдь не только в пассивности русских и готовности к подчинению начальству.

Русские могли оказывать сопротивление, но могли и просто выехать из балтийских стран на Родину, к чему их активно подталкивало коренное население и власти. И действительно, многие воспользовались этой возможностью. Но рассмотрим более подробно цифры миграции из стран Балтии в Россию.

В позднесоветский период число ежегодно приезжающих из стран Балтии в Россию очень постоянно для каждой балтийской страны (и всегда меньше, чем число приезжающих из России в Балтию). С 1982 по 1989 г. из Литвы ежегодно отъезжало в Россию приблизительно по 9 тыс. человек (колебания от года к году очень незначительны), из Латвии — по 13 тыс., из Эстонии — по 8 тыс. Для Латвии и Эстонии эти же цифры сохраняются до 1992 г.

Из Литвы русские начали уезжать в Россию в больших числах с 1990 г. В 1990 г. - 12 тыс., в 1991 г. — 10 тыс., в 1992 г. — 15 тыс., 1993 г. — 19 тыс. Это — самая большая цифра. Дальше начинается стремительное падение. 1994 г. — 8 тыс. отъехавших, 1995 г. — 4 тыс. (меньше, чем в советское время), 1996 г. — 3 тыс., 1997 г. — 2 тыс., 1998 и 1999 гг. — по тысяче человек. Отъезды практически прекратились.

Такая же картина в Латвии и Эстонии. В Латвии резкий скачок отъездов в Россию наступает в 1992 г. (27 тыс.). В 1993 и 1994 гг. отъезжают по 26 тыс. В 1995 г. — 15 тыс. Дальше — резкое падение. 1996 г. — 8 тыс., 1997 г. — 6 тыс., 1998 г. — 4 тыс., 1999 г. — 2 тыс. отъехавших. В Эстонии в 1992 г. — 24 тыс., 1993 г. — 14 тыс., 1994 г. — 11 тыс., 1995 г. — 9 тыс., 1996 г. - 6 тыс., 1997 г. — 3 тыс., 1998 г. — 2 тыс., 1999 г. — 1 тыс. [Демографический ежегодник России 2001, с. 320—321].

Всего с 1989 по 1999 г. из Литвы в Россию переехали 84 тыс., из Латвии — 160 тыс., из Эстонии — 94 тыс. Миграционная убыль (превышение числа отъезжающих над числом приезжающих) русского населения в обмене с Россией составила в Литве за 1989—1995 гг. 42 тыс., т. е. 12 % от всего русского населения 1989 г. (344,5 тыс.), в Латвии с 1989 по 1999 г. — 94 тыс. (10,4 %), в Эстонии за этот же период — 59 тыс. (12,4 %). Процент русского населения в Литве с 1989 по 1996 г. снизился с 9,4 % до 8,2 %, в Латвии с 1989 по 2000 г. с 34 % до 29,4 % в Эстонии с 1989 по 2000 г. - с 30,3 % до 25,6 % [Тульский 2001, с. 5]. Много это или мало?

Опять-таки оценить эти цифры можно лишь в сравнении. Мы не можем сравнивать цифры отъехавших в Россию из стран Балтии с цифрами мигрантов из таких стран, как Грузия, Таджикистан, Азербайджан, где бушевали войны. Сравним с цифрами, характеризующими миграцию из стран, где никаких войн не было, где русских никто не лишал гражданства, где правительства никогда такой миграции не поощряли и, более того, шли на всякие меры, чтобы её прекратить, и где связи с Россией — и очень крепкие и очень простые (никаких виз). В Казахстане в 1989 г. было 6 062 тыс. русскоязычных. В 1999 г. их стало 4 479,6 тыс. Убыль русского населения за счёт миграционного обмена с Россией — 1 032 тыс. человек, что составляет 17 % от русского населения 1989 г.

Притяжение Балтии

В Киргизии миграционная убыль русских составляет 35,7 % от их числа в 1989 г. [Тульский 2001, с. 5]. Безусловно, давление на русских в балтийских странах неизмеримо больше, чем в Казахстане и Киргизии. Их уговаривают уехать, ограничивают в правах и т. д. Можно сказать, гонят. Но они не едут. Пол Колстоу пишет: «Если какие-либо из новых государств и выражали открыто желание избавиться от хотя бы части русской общины, так это Латвия и Эстония. И тем не менее, из этих стран эмигрировало меньше русских, чем из Центральной Азии, где руководители государств предпринимали большие усилия, чтобы уговорить их остаться» [Kolstoe 1995, p. 69]. «Уменьшение доли русского населения в странах Балтии — одно из самых низких в постсоветских государствах. Эта доля меньше сократилась только в Молдавии и, особенно, на Украине и в Белоруссии» [Савоскул 1997, с. 262].

Согласно опросам, даже в случае потери работы больше русских предпочитают заняться любой работой в Балтии, чем уезжать отсюда. В Литве в 1993 г. 20 % заявили, что в случае потери работы уедут и 22 % — что займутся любой работой в Литве, в Эстонии в 1994 г. — 10 % и 18 % (см.: [Савоскул 2001, с. 247]).

На наш взгляд, и слабость русского сопротивления и ничтожные (если соотносить их с колоссальным давлением, испытываемым русскими) цифры русской эмиграции нельзя объяснить, не учитывая фактора, который можно описать очень простыми словами — русским нравится жить в Балтии.

И это связано отнюдь не только с относительной бедностью России по сравнению с балтийскими странами. Не говоря о том, что различия в жизненном уровне также в громадной мере производное от различий в культуре, есть много данных, говорящих о том, что привлекает в Балтии и удерживает здесь русских отнюдь не только относительное материальное благополучие. Русским, хотя они и оказались в неполноправном и даже унижительном положении, нравится балтийский (западноевропейский) образ жизни, который оценивается ими выше, чем образ жизни в России.

Степень доверия русских к балтийским институтам не намного ниже степени доверия к ним балтийских народов и заметно выше степени доверия к институтам в России. Вот, например, данные по доверию к институтам [Хейно 2000, с. 240].

И это относится не только к институтам, а ко всему, к культуре в целом. Русским не только нравятся балтийские порядки (хотя это те порядки, при которых они неполноправны), им вообще нравятся балтийские культуры и не очень-то нравится своя. Например, в 1998 г. 26 % эстонцев и только 9 % русских сказали, что они «очень горды» своей национальностью, 48 % и 39 % — что просто «горды» и 26 % и 52 % — «не горды» [Хейно 2000, с. 244]. Согласно опросу конца 1995 г., 94 % русских считали Эстонию своим домом и никуда уезжать не собирались. При этом почти 60 % русских в Таллине и более 65 % в северо-восточной Эстонии мотивировали это тем, что им нравятся Эстония и эстонцы [Биркенбах 1998, с. 32]. В 1993 г. только 14 % опрошенных эстонских русских не верили, что в Эстонии у них будут большие возможности улучшить своё положение, чем в России [Return to the Western World 1997, p. 288].

Оценка русскими балтийских народов во много раз выше, чем оценка балтийскими народами русских, и зачастую выше, чем оценка балтийскими народами самих себя. Вот, например, удельный вес русских и эстонцев, выбиравших

Таблица 1 Степень доверия к различным институтам представителями разных национальностей, %

	Россияне	Эстонские русские	Эстонцы
суды	50	53	67
пресса	40	45	62
телевидение	47	53	78
полиция	31	41	57
правительство	26	48	52
партии	19	23	23
парламент	23	43	44
государственные служащие	48	55	65
компании	23	66	57

Таблица 2 Оценка русскими и эстонцами эстонцев, %

Характеристики эстонцев	Эстонцами	Русскими
Политически активные	31	40
Националисты	39	52
Честные	39	53
Культурные	66	60
Достойны доверия	38	44
С высокой моралью	40	46
Трудолюбивые	65	68

различные характеристики эстонцев [Хейно 2000, с. 241]. За исключением характеристики «националисты», которую можно понять как негативную, все прочие характеристики — позитивные, и все они приписываются русскими эстонцам чаще, чем эстонцами самим себе²⁹.

Напротив, характеристики, даваемые русскими самим себе, резко хуже, чем те, которые дают себе эстонцы, а те, которые дают эстонцы русским, ещё хуже [Хейно 2000, с. 242].

В Литве в 1993 г. только 6 % русских считали, что литовцы относятся к ним с уважением (среди самих литовцев так считали ещё меньше — 5 %), 31 % — с пренебрежением (среди литовцев — 15 %) и 15 % — с ненавистью (13 %). Между тем 32 % русских заявили, что они относятся к литовцам с уважением, только 4 % — с пренебрежением и 4 % — с ненавистью. В Эстонии в 1994 г. 9 % русских считали, что эстонцы их уважают, 38 % — относятся с пренебрежением и 17 % — ненавидят, в то время как цифры, характеризующие соответствующее отношение русских к эстонцам, — 43 %, 6 % и 3 % [Савоскул 2001, с. 269].

Чувство общности со своим народом у русских, как это видно из табл. 4, значительно ниже, чем у представителей балтийских народов, а чувство общно-

Притяжение Балтии

Таблица 3 Оценка русскими и эстонцами русских, %

Характеристики эстонцев	Эстонцами	Русскими
Политически активные	46	24
Националисты	33	16
Честные	18	37
Культурные	17	33
Достойнык доверия	18	38
С высокой моралью	15	38
Трудолюбивые	20	48

Таблица 4 Ощущение общности русских и балтийских народов, %

	Эстонцы	Русские в Эстонии	Латыши	Русские в Латвии	Литовцы	Русские в Литве
Насколько Вы ощущаете свою общность с эстонцами, латышами, литовцами?						
1993	86	24	63	25	76	31
1995	88	28	74	25	82	
1996	84	13	80	21	83	36
Насколько Вы ощущаете свою общность с русскими?						
1993	4	62	9	57	7	52
1995	5	70	9	52	4	51
1996	4	73	14	65	4	57

сти с балтийскими народами — значительно выше, чем у балтийских народов с русскими [Zera 2000, p. 31—35].

Высокая оценка балтийских и относительно низкая своей собственной общностей и крайне низкая степень национальной солидарности косвенно проявляются, на наш взгляд, и в ответах на другие вопросы. Так, как отмечает С. Савоскул, балтийские русские значительно чаще, чем русские других республик, соглашались с мнением, что последствия отъезда русских (будут ли они положительными или отрицательными для страны) зависят от состава отъезжающих (24 % русских в Литве в 1993 г. и 36 %). За этим явно стоит частичное принятие негативных стереотипов русских и желание отграничить себя (хороших русских) от других, плохих [Савоскул 1997, с. 253, 255]. Для балтийских русских сейчас также очень характерно подчёркивание своего отличия от «российских русских», т. е. опять-таки стремление ослабить свою идентификацию с Россией и русскими в целом. В Литве подчёркивали такое отличие 63 % опрошенных, в Эстонии — 70 % [Савоскул 2001, с. 271].

На наш взгляд, вывод, что русские в Балтии демонстрируют очень высокую оценку культуры и образа жизни балтийских народов (и соответственно относительно низкую оценку «русскости» и России) и что их удерживают в Балтии и отталкивают от России отнюдь не только чисто материальные причины, а сравнительная привлекательность для них западных, балтийских и непривлекательность своей собственной, русской, культуры, совершенно неоспорим. Тем не менее мы можем привести ещё одно доказательство этого тезиса.

До сих пор мы рассматривали балтийские страны как единое целое, игнорируя различия между ними. В известной мере это допустимо, ибо это — страны со схожей судьбой, и по отношению к России все три страны — представительницы западного типа культур. Тем не менее отличия балтийских культур друг от друга весьма велики и «культурная дистанция» русской культуры и отдельных балтийских культур разные.

Мы не можем здесь вдаваться в сложные вопросы сравнительного анализа балтийских культур. Тем не менее очевидно, что католицизм и православие всё же ближе друг к другу, чем православие и лютеранство, и поэтому при всех колоссальных различиях литовской и русской культур, наименьшая «культурная дистанция» у русских всё же с католиками литовцами и наибольшая — с лютеранами эстонцами. Языковые различия с эстонцами у русских также наибольшие; латышский и литовский языки для русских значительно проще эстонского, и, по данным переписи 1989 г., приведённым выше, русских в Эстонии, владевших эстонским языком, было заметно меньше, чем владевших латышским и литовским русских Латвии и Литвы (и эстонцев, владевших русским, тоже было меньше, чем латышей и литовцев). Характерно, что с этой иерархией «культурных дистанций» более или менее совпадают и иерархии политического и экономического дистанцирования балтийских стран от России в постсоветский период и прав (и бесправия) русских мигрантов.

Эстония быстрее и радикальнее других балтийских стран пошла по пути капиталистического экономического развития и переориентации своей экономики на Запад. По индексу экономической либерализации, составляемому Всемирным банком, Эстония в 1995 г. опережала Литву и Латвию [Return to the Western World 1997, p. 309] и рассматривалась как наиболее готовое для вступления в ЕС государство. Доля России в экспорте с 1991 г. по 1996 г. упала в Эстонии с 56, % до 16,5 %, в Латвии — с 54,4 % до 22,8 %, в Литве — с 56,5 % до 23,8 %; в импорте — в Эстонии с 45,9 % до 13,5 %, в Латвии — с 44,5 % до 20,2 %, в Литве — с 49,6 % до 29,1 % [Op. cit, p. 321]. Правовое положение русских в Эстонии и Латвии неизмеримо хуже, чем в Литве, где был принят «нулевой вариант» гражданства. Наконец, и образ Эстонии и Латвии в России значительно хуже, чем образ Литвы. По опросу российского населения в 1996 г. «плохими» назвали отношения России с Эстонией 42 %, с Латвией и Литвой — 12 %, «хорошими» соответственно — 18 %, 29 % и 46 % [Op. cit, p. 320].

Таким образом, и по культурной дистанции и по политико-экономической дистанции, установившейся в постсоветский период, Литва ближе к России, чем Латвия и, особенно, Эстония. Между тем есть достаточно много данных, говорящих о том, что степень притяжения русских эстонской культурой, эстонским обществом выше, чем литовским и латвийским. Так, мы уже приводили цифры опросов, говорящие, какой процент русских в случае потери работы в 1993—1994 гг. были готовы уехать и какой — искать любую работу, но в Балтии. В Литве, где русские имеют гражданство, готовы уехать 20 %, а искать любую работу готовы 22 %, в Эстонии, где большинство русских лишены гражданских прав, — 10 % и 18 %. А вот данные из различных опросов 1993—1996 гг. среди русских трёх балтийских стран [Op. cit, p. 314—315].

Мы видим, что русские в Эстонии заметно выше оценивают современную экономическую систему и заметно более оптимистичны относительно эконо-

Притяжение Балтии

Таблица 5 Данные опросов русских в странах Балтии, %

	Русские в Эстонии			Русские в Латвии			Русские в Литве		
	1993	1995	1996	1993	1995	1996	1993	1995	1996
Позитивные оценки современной экономической системы	41	49	55	24	28	19	33	24	32
Экономической системы, которая будет через 5 лет.	77	81	71	64	59	41	72	54	53
Современной системы правления	50	57	49	9	40	30	58	37	42
Системы правления, которая будет через 5 лет	79	83	72	71	74	57	82	61	64
Верят в то, что экономическое положение их семьи через 5 лет улучшится	33	43	41	29	35	32	36	33	39

мических перспектив, чем русские в Латвии и Литве. Это ещё объяснимо тем, что Эстония в этот период действительно быстрее выходила из кризиса, возникшего после падения СССР и социализма. Но они лучше относятся и с большим оптимизмом смотрят в будущее и относительно политической системы, хотя правовое положение русских в Эстонии неизмеримо хуже, чем их положение в Литве. Таким образом, фактор гражданства, правового положения неизмеримо меньше влияет на оценки русскими своего положения и перспектив, чем общекультурный фактор, фактор «культурной дистанции», который действует в Балтии таким образом, что наиболее привлекательной является наиболее далёкая от русской культура и общество, наиболее радикально отвернувшееся от России и наиболее близкое к интеграции в западные структуры.

Естественно, что русские, при всей привлекательности для них балтийских культур и «стилей жизни», всё же недовольны своим неполноправным положением и не могут не стремиться его изменить. На что же они надеются, с чем связывают перспективу своего равноправия?

Особых надежд на Россию русские не проявляют. Как и везде в бывшем СССР за пределами России, опросы показывали крайнюю непопулярность среди русского населения Ельцина. В 1992—1993 гг. Ельцину доверяли 23 % эстонских русских и не доверяли 63 %, а эстонскому президенту — 38 % и 36 % [Русские в новом зарубежье 1996, с. 31]. В 1993 г. 12 %, а в 1996 г. 20 % эстонских русских считали, что Россия является угрозой миру и безопасности Эстонии [Vihalemm 1999, p. 281]. Но дело не только в Ельцине. Значительное меньшинство русских вообще негативно воспринимают саму идею тесных связей с Россией. Так, в Эстонии в 1993 г. на вопрос о желательной внешнеполитической ориентации эстонского государства лишь 43 % русских высказались за тесные связи прежде всего с Россией и 25 % — со странами Запада. В Литве в 1993 г. 27 % русских высказались за строгий визовый режим поездок в Россию и из России (см.: [Савоскул 2001, с. 253—254]).

Нет особых надежд у русских и на себя как на общину, на свои коллективные действия: мы видели, что роль русских организаций очень невелика и невелика политическая активность русских.

Отчасти русские надеются на Запад. Притяжение Балтии — это, конечно, лишь в какой-то мере притяжение именно данных стран. Прежде всего — это притяжение вообще Запада, Европы. В некотором роде балтийские русские — большие «европеисты», чем балтийские народы. Эстонские опросы показывают, что удельный вес (66 %) доверяющих Евросоюзу среди эстонских русских выше, чем среди эстонцев (57 %). Такое же различие и в отношении к ООН, которой доверяют 77 % русских и только 65 % эстонцев [Хейно 2000, с. 241]. В Латвии удельный вес сторонников вступления в Евросоюз одинаковый среди латышей и русских (примерно половина). В Литве за вступление в ЕС 55 % русских и 49 % литовцев [Савоскул 2001, с. 254]. У русских нет страха раствориться в объединённой Европе, утратить свою самостоятельность и культурную уникальность, присущего, при всей их европейской и западной ориентации, балтийским народам. Кроме того, Европа оказывает давление на балтийские страны в сторону улучшения положения русских.

Но прежде всего русские надеются на себя как на отдельных личностей, на свои собственные индивидуальные силы. Согласно данным опросов, «в трудностях могут положиться только на самих себя» 88 % эстонцев, 86 % латышей и 79 % литовцев. То же самое говорят о себе 91 % русских в Эстонии, 86 % — русских в Латвии и 87 % — русских в Литве [Зера 2000, р. 29]. Стратегия поведения, которую избрали подавляющее большинство русских, это стратегия чисто индивидуального приспособления и выживания.

Безусловно, в новой ситуации усиливается проявлявшаяся ещё в советское время тенденция к ассимиляции, отказу от русской национальности. Исследования, проведённые эстонским социологом Ирис Петтай, показывают, что 25 % эстонских русских ещё не решили для себя, хотят ли они остаться в Эстонии русскими; 12 % хотели бы стать эстонцами и 12 % — просто европейцами, гражданами ЕС. 70 % русских говорят, что хотели бы видеть своих детей «обэстонившимися». Множество представителей русской общины поменяли сейчас свои фамилии на эстонские, и среди имён, которые русские теперь дают своим детям, преобладают Гийт и Кристина. При этом у русской молодёжи эта ассимиляционная тенденция присутствует значительно больше, чем у стариков [Смирнов 2001, с. 1—2]. У нас нет данных о Латвии, но в Литве картина сходна с эстонской. Уже в 1992 г. 19 % литовских граждан (русских по паспорту) считали себя литовцами (русскими — 72 %) [Kuzmickaite 1996]. В 1993—1995 гг. в восточной Литве 83,35 % первых детей и 100 % вторых детей от смешанных литовско-русских (муж — литовец, жена — русская) и 88,9 % от смешанных русско-литовских зарегистрированы литовцами. Более того, поскольку в Литве родители могут выбрать для ребёнка любую национальность, литовцами зарегистрированы даже 16,6 % детей от смешанных белорусско-русских браков [Zvinkliene 2000, р. 179]. Таким образом, несомненно, что русские балтийские общины, которые перестали уменьшаться из-за эмиграции, уменьшаются и будут уменьшаться из-за ассимиляции. Но мы всё же не думаем, что большинство русских будут ассимилированы³⁰.

Совершенно несомненно, однако, что они всё более интегрируются в балтийские общества. Русские предпринимают значительные усилия для изучения балтийских языков, знание которых улучшает возможность работать в новых условиях и перспективы получения гражданства. Данные латвийских опросов

Притяжение Балтии

показывают, что с 1989 по 1995 г. удельный вес русских, знающих латышский язык, возрос с 22,3 % до 55,8 % [Антоне, Цилевич 1997, с. 39]. Другие опросы дают несколько иные цифры, но все показывают резкий рост удельного веса знающих латышский. В Эстонии разные опросы дают несколько разные цифры удельного веса русских, свободно владеющих эстонским, но, согласно всем опросам, их удельный вес растёт (по одним данным, в 1989 «свободно» и «активно» владели эстонским 22 %, а уже в 1991 г. — 27 %, по другим, «хорошо знали эстонский и говорили с эстонцами на нём» в 1990 г. 7 %, в 1995 г. — 25 %) [Return to the Western World 1997, p. 293]. В 1996 г. 93,5 % русских в Эстонии считали, что их дети должны учить эстонский, и среди русских неграждан 18—29 лет только 10 % вообще не понимали эстонскую речь [Kirch 1998, p. 583]. (Это показывает также и настроения русских: ясно, что люди, учащие эстонский и обучающие ему своих детей, не настроены покидать Эстонию.)

Опросы показывают и установку русских на активную хозяйственную деятельность в новых капиталистических условиях. Так, в Эстонии в 1994 г. сказали, что ничего не собираются приобретать, 22 % эстонцев и 21 % русских; собирались приобретать землю 15 и 19 %, производственное предприятие — 6 и 5 %, предприятие в сфере обслуживания — 6 и 7 %, квартиру или дом — 40 и 31 %, акции — 10 и 7 %. В Литве активная установка русских на освоение новых хозяйственных условий проявляется несколько меньше (несмотря на то что в Литве в отличие от Эстонии нет проблемы гражданства). Здесь ничего не собирались приобретать 19 % литовцев и 33 % русских. Тем не менее и здесь установка русских на приобретение, на «вписывание в капитализм» достаточно велика. Так, доля стремящихся приобрести акции среди русских (19 %) даже чуть выше доли литовцев (18 %) [Савоскул 2001, с. 246].

Некоторые описания различий между ориентированными на социальное продвижение, динамичными русскими и ориентированными скорее на потребление и менее «поворотливыми» представителями балтийских народов совершенно аналогичны многочисленным описаниям (сделанным и в негативном, и в позитивном ключе) отличий разных динамичных «малых» народов диаспор, вроде евреев или армян, и больших наций, среди которых они расселены, и абсолютно противоречат нашему привычному стереотипу русских. «Эстонцы, как только у них заводятся деньги, сразу же стремятся приобрести хороший автомобиль, комфортно обустроить жильё, обзавестись загородным домом. Словом, ведут себя как хорошие западные потребители. Русские на первое место ставят учёбу и получение хорошей квалификации... Русские ребята из Эстонии легко поступают в европейские и американские университеты, успешно стажировались в зарубежных фирмах. Общий взгляд на будущее у молодых таков: в жизни можно преуспеть, если знаний хватит не только для работы в Эстонии, но и во всякой цивилизованной стране. А потому деньги за учёбу подчас приходится выкладывать немалые» [Российская газета 1998]. Разумеется, подобные описания — достаточно «импрессионистские», но сама возможность появления описания различий русского меньшинства и коренного западноевропейского народа, совершенно аналогичного описанию психологических различий евреев и русских, поразительна.

На этом пути активного освоения возможностей, предоставляемых капитализмом, русские добиваются значительных успехов. Особенно велики они в

Латвии, где русские занимают настолько сильные экономические позиции, что это вызывает опасения латышей. Директор крупнейшего в Латвии Парекс-банка говорил А. Ливену: «Бизнес здесь контролируется в основном евреями и русскими, а не латышами, и это бесит латышей, хотя виноваты частично они сами. Русских и евреев здесь выгнали из государственной службы, и они были вынуждены идти в бизнес, как брошенный в воду ребёнок вынужден начать плавать. Здесь складывается ситуация, когда власть в руках латышей, а экономика — нелатышей, как в Малайзии» [Lieven 1993, p. 365]³¹.

Русские не только активно используют в бизнесе свои ставшие уже международными связи с Россией, но пользуются даже самым своим неполноправным положением, которое даёт известные преимущества перед латышами. Например, неграждане не служат в армии, для поездки в Россию им в отличие от граждан не нужна виза. Некоторые оценки роли нелатышского капитала в Латвии, очевидно, являются преувеличениями (см.: [Антоне, Цилевич 1997, с. 70—71]³²). Но несомненно, что русские преобладают в латвийском бизнесе³³, и в руках русских (и вообще нелатышей) — более половины капитала. К сожалению, точных данных о других балтийских странах нет (данные о Латвии, впрочем, тоже точностью не отличаются). Но возможность такого диалога между интервьюером и премьер-министром Эстонии М. Лааром — вопрос: «Правда ли, что русские контролируют большую часть бизнеса в Эстонии?» Ответ: «Не думаю, что это так. Мы приветствуем всех русских предпринимателей. Для нас они такие же, как эстонские, финские, шведские...» [Век 1999] — говорит, что и в Эстонии позиции русских в бизнесе достаточно прочны.

«Тихие» русские, занятые своими делами, не сепаратисты и ирредентисты и даже не очень-то борющиеся за свои права и без особого ропота принимающие законы, которые ставят большинство их в Эстонии и Латвии в неполноправное положение, перестают вызывать тот страх, который был перед ними у балтийцев в период борьбы за независимость. Страшный и агрессивный хам-мигрант оказался на поверку не таким уж страшным и агрессивным и даже не таким уж хамом. Опросы показывают, что национальные отношения начинают улучшаться. Вот как отвечали представители разных народов на вопрос, является ли конфликт национального большинства и русских угрозой миру и безопасности [Zepa 2000, p. 42].

Упомянутое выше новейшее исследование И. Пеккай показывает стремительное ослабление антирусских настроений. Ясно, что русских из Балтии теперь не выкинешь никакими силами и даже само стремление их выкинуть неизбежно уменьшается. Процесс ассимиляции, конечно, идёт, но рассчитывать на то, что этот процесс в обозримом будущем способен ликвидировать русское население Балтии, не стоит. Русские в Балтии не просто надолго, а навсегда. И, когда балтийские страны войдут в ЕС, Европа получит более одного миллиона русского населения. Как и когда разрешится проблема с гражданством, неизвестно. Но, так или иначе, время работает на её разрешение, и несомненно, что в объединённой Европе решить её будет легче. Таким образом, мечтам эстонских, латышских и литовских националистов периода борьбы за независимость не суждено сбыться: избавиться от русских не удалось и уже не удастся. А мечты тех русских, которые голосовали за балтийскую независимость и кото-

Притяжение Балтии

Таблица 6 **Распределение ответов на вопрос, является ли конфликт национального большинства и русских угрозой миру и безопасности, % от согласных**

	Эстонцы	Эстонские русские	Латыши	Латышские	Литовцы	Лит.русские
1993	17	10	11	11	8	4
1995	12	15	5	6	3	5
1996	12	11	3	5	6	3

рые упорно держатся за Балтию, надеясь, в конце концов, стать полноправными и настоящими «европейцами», напротив, вполне могут исполниться.

Данные о поведении и о массовом сознании русских в Балтии раскрывают, на наш взгляд, некоторые стороны русского сознания в целом, русской культуры.

Мы привели факты, которые, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о колоссальной притягательной силе, которой обладают по отношению к русским балтийские (западноевропейские в своей основе) культуры. Несмотря ни на что, несмотря на негативное отношение к русским балтийских народов, несмотря на унижительное положение, в котором оказались русские, на прямое выталкивание их из балтийских обществ, русским всё равно нравится жить в Балтии, нравятся балтийские порядки и нравятся сами, так не любящие их балтийские народы. Но другой стороной этого притяжения Балтии является отталкивание от России. Привлекательность Балтии свидетельствует о глубоком недовольстве русских самими собой, своей культурой. Русских привлекает «европейскость», но им свойственно очень глубокое неверие в возможности России стать «нормальной» европейской страной; они не ждут от России ничего особенно хорошего. Более того, они не верят даже в возможности своих коллективных действий в качестве русских.

Но если такой комплекс чувств отчётливо проявляется у русских в Балтии, значит, он вообще имманентен русской культуре. Это — тот элемент самоотрицания, недовольства собой, который очень силён в русской культуре вообще и который заглушается всякого рода националистическим хвастовством, в громадной степени выполняющим компенсаторную функцию. Это — то «чёрт меня дёрнул родиться в России...», которое заглушается другим: «Иль русский от побед отвык?»³⁴. Русские в Балтии — это просто особая форма взаимодействия русской и западноевропейской культур. Неверие в себя, в свои возможности стать европейским народом, в возможности измениться как народ, как общество в целом, свойственно и русским в России. Русско-балтийский опыт лишь обнажает черты, свойственные русским в целом.

Но недовольство собой, неверие в свои силы у русских скорее на национальном, чем на индивидуальном уровне. Русские проявляют очень высокую степень чисто индивидуальной выживаемости и приспособляемости. Русские в Балтии живут в системе институтов и ценностей, которые выработаны не ими, в некотором роде «живут на готовом». Это — система институтов и ценностей, аналога которой они не могут выработать в России и не очень-то верят в свои способности его выработать. Но они очень неплохо, и даже в ряде аспектов лучше, чем сами балтийские народы, в этой системе действуют. Человек, который

не смог бы сделать хороший велосипед сам, вполне может ездить на нём лучше, чем создатель или производитель велосипеда. В какой-то мере русских в Балтии можно сравнить с китайцами в США. Даже в те времена, когда ещё не было никаких ясных признаков того, что Китай, китайцы в Китае, могут построить современное капиталистическое общество, когда не только в Китае, но и на Тайване возможность китайской демократии казалась абсурдом, китайцы в США в условиях рыночного и демократического общества проявляли чудеса приспособляемости и социальной мобильности.

Однако такие успехи имеют колоссальное психологическое воздействие. Люди видят, что они не хуже других. Постепенно к ним возвращается самоуважение. И это не национальное хвастовство, которое только заглушает (но никогда не может заглушить до конца) «комплекс неполноценности», а трезвое, реалистическое, не невротически имитируемое самоуважение. Постепенно возникает новая группа людей, «европейских русских», умеющих жить и преуспевать в европейской среде, усвоивших европейские нормы и не испытывающих чувства приниженности по отношению к носителям европейских культур.

И эти люди объективно и неизбежно должны стать проводниками европейских ценностей и европейских социальных навыков в России. Преуспевший американский китаец, приехавший в Китай или принимающий у себя китайских родственников, для «китайских китайцев» — живое свидетельство того, какими могут быть китайцы, того, что западный образ жизни может стать и китайским, причём без утраты «китайскости». Его роль как проводника западных ценностей неизмеримо больше, чем роль просто американцев или европейцев. Такой же может быть роль балтийских русских, которым скоро суждено стать гражданами объединённой Европы. Россия недовольна собой, ей хочется стать иной. Но она не знает, как это сделать, и не верит в свои силы. Пример русских, у кого это получилось, может быть для неё большой помощью.

Примечания

¹ До этого в относительно схожей ситуации были лишь две специфические группы русских, отношение которых к странам проживания и к России было обусловлено особым культурно-идеологическим фактором. Речь идет о раскольниках, бежавших от религиозных преследований, в том числе в Литву и в Ливонию, и о белых, бежавших от разгрома в Гражданской войне и от политических преследований.

² Такой тип расселения русских следует считать скорее «общесоветским», чем специфически балтийским. В СССР удельный вес русских в столицах республик был выше, чем в городском населении (и, естественно, чем в населении в целом) везде, кроме Армении, Грузии и Украины. Баку, Ашхабад, Фрунзе, Ташкент и Алма-Ата, так же, как Таллин и Рига, были в основном русскими центрами, окруженными нерусской «провинцией». Новые почти русские промышленные города типа Снечкус или Кохтла-Ярве также характерны и для других республик. (О расселении русских в СССР вне России см.: [Kolstoe 1995]).

³ В Литве староверы и их потомки составляли большинство русского населения периода первой республики. В 1923 г. среди русского населения Литвы старове-

Притяжение Балтии

рами были 63 % (см.: [Kasatkina 1996, p. 131]. Сейчас определяют себя как староверы 27 % русского населения Литвы [Op. cit, p. 139].

⁴ В результате, по официальным советским данным, удельный вес русских, родившихся вне республики, снизился в период с 1979 по 1989 г. в Эстонии с 66,9 % до 34,9 %, в Латвии — с 63,4 % до 58,4 %, в Литве - с 63,5 % до 61,6 % [Русские: Этносоциологические очерки 1992, с. 52]. Однако эстонские исследователи приводят данные опроса 1992 г., по которым только 43 % русских родились в Эстонии. (См.: [Kirsh, Kirsh, Tuisk 1992, p. 9]). Анализ этих данных и причин их расхождения см.: [Kolstoe 1995, p. 51—52].

⁵ Очень «тёмным» является вопрос о том, в какой мере в СССР проводилась сознательная политика поощрения русской миграции в Балтию для изменения здесь этнической ситуации и в какой мере эта миграция была следствием чисто экономических и социальных причин и может рассматриваться в одном ряду с многочисленными примерами миграций из менее развитых в более развитые страны (из Турции и Югославии — в Германию, из Мексики — в США и т. д.) или из менее развитых в более развитые регионы страны (например, из Южной Италии в Северную). Разбор различных точек зрения по этому вопросу см.: [Kolstoe 1995, p. 51-63].

⁶ Так, в Эстонии неэстонцы (в основном русские и русскоязычные) в 1973—1983 г. среди занятых по разным отраслям народного хозяйства составляли: по сельскому хозяйству в 1973 г. — 14,7 %, в 1983 г. — 15,8 % (т. е. значительно меньше, чем их удельный вес в населении), в промышленности, напротив, 48,6 % и 54,4 %, (при этом в машиностроении и металлообработке неэстонцы в 1983 г. составляли 63,9 % занятых, среди работников ИТР в промышленности неэстонцы составляли 67,9 %), на транспорте — 50,7 % и 53,5 %, в строительстве — 35,6 % и 40,1 % (см.: [Талига 1989, с. 137, 144 и 147]). Данные об удельном весе русских и эстонцев в Эстонии в разных профессиональных группах в конце советской власти приводятся также в [Кирш, Ярве, Хаав 1988, с. 33]. По данным этой публикации, удельный вес русских превышал их удельный вес в населении в следующих профессиональных группах: среди рабочих машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности — в 1,19 раза, текстильщиков — 1,16, строителей — 1,2, железнодорожников — 1,45. Среди инженерно-технических работников их удельный вес был такой же, как удельный вес в населении. Наоборот, «непредставлены» русские были среди руководителей предприятий и их подразделений (0,56 % от удельного веса русских в населении), научных работников, преподавателей, учителей (0,69), работников искусства (0,33). Позже, в 1996 г. 43 % опрошенных русских в Эстонии заявили, что считают себя скорее рабочими, в то время как эстонцев — только 34 %. (См.: [Vihalemm, Lauristin 1997, p. 289; Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии 2001, с. 11—12].)

В Латвии, как и в Эстонии, в конце советской власти удельный вес «титальной нации», латышей был выше, чем их удельный вес в населении в сельском хозяйстве (71,9 %) и культуре, и искусстве (69,2 %). Соответственно, в промышленности «перепредставлены» были русские и русскоязычные [Антоне, Цилевич 1997, с. 70].

В Литве в начале постсоветского периода инженеров и техников среди литовцев — 8,3 %, среди русских — 13,7 %, научных работников и преподавателей - 6,2 % и 5,1 %, крестьян - 11 % и 2,8 % [Gaidys 2000, p. 190].

По данным Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой, русские в 1979 г. были недопредставлены во всех группах балтийской интеллигенции, кроме работающих в производственной сфере. В сфере администрации: в Эстонии — на 24,7 %, в Латвии — на 12,9 %, в Литве — на 20,3 %, в научной сфере — на 55,3 %, 26,3 % и 42,4 %, в художественной — на 48 %, 28,6 % и 15,8 %. Напротив, среди интеллигенции, работающей в производственной сфере, они были перепредставлены: в Эстонии — на 11 %, в Латвии — на 10,5 %, в Литве — на 20,3 % [Арутюнян, Дробижева 1992, с. 5].

⁷ Например, в секретариате ЦК за 1955—1972 гг. в Латвии латышей было 91,7 %, в Эстонии — 79,2 %, в Литве, однако, литовцев было чуть меньше, чем их удельный вес в населении (77,8 % и 80,1 %). Однако надо учитывать, что среди партийных руководителей — латышей и эстонцев — был очень велик удельный вес родившихся в России и приехавших в Балтию после её присоединения [Kolstoe 1995, p. 94].

⁸ Авторы данной статьи могут сказать, что и они видели таких эстонцев.

⁹ По данным позднесоветских социологических исследований, русские значительно менее, чем представители балтийских народов, были склонны воспринимать национальные аспекты различных конфликтных ситуаций и просто не понимали национальных чувств и отношения к ним народов Балтии. Так, если среди эстонцев часто сталкивавшихся с конфликтами на национальной почве в 1980-е годы было 4 % и иногда сталкивавшихся 38 %, то среди эстонских русских — 2 % и 18 %, что означает, что русские были склонны воспринимать конфликты с эстонцами просто как конфликты индивидов, а эстонцы — как конфликты представителей разных народов, конфликты культур. Эстонцы в три раза чаще, чем эстонские русские, соглашались с тем, что работать в многонациональном коллективе — труднее, чем в мононациональном. (См.: [Каротом 1989, с. 161-163].)

¹⁰ Тему отношения русских в Балтии к балтийским обществам и культурам можно рассматривать и как часть очень большой темы отношения вообще русских к Балтии и влияния Балтии на русскую советскую культуру и русское советское общество. Мы полагаем, что можно говорить об иногда скрытом и «подразумеваемом», иногда явном признании советским обществом и советской элитой балтийского культурного превосходства. Московская центральная бюрократия «позволяла» балтийским обществам очень многое из того, что не позволялось в России и других частях СССР. Многие экономические эксперименты, направленные на введение рыночных механизмов в советскую экономику, начинались в Балтии, которая, таким образом, по мысли бюрократической советской верхушки, была уже готова к тому, к чему сами русские ещё не были готовы. Цензура в Балтии была значительно слабее. Множество западных произведений литературы сначала переводились в странах Балтии и уже затем, получив здесь «апробацию», допускались в России. Модернистские стили в изобразительном искусстве, преследуемые в России, совершенно открыто существовали в Балтии. Естественно, что для многих представителей русской европейски-ориентированной культурной элиты Балтия, с её западного типа культурами и несколько большей свободой, была своего рода окном в Европу. Можно привести ряд примеров представителей русской интеллигенции, выражавших свой восторг перед балтийскими культурами. Например, Юрий Казаков сказал: «Я жалею,

Притяжение Балтии

почему я не эстонец» [Абызов 1996, с. 22]. Очевидно, схожие чувства возникали у некоторых русских и задолго до советской власти. Ю. Абызов цитирует в своей статье высказывание князя П. Вяземского, посетившего в начале XIX в. эстонскую церковь и сообщавшего свои впечатления: «Приятно видеть эту чернь грамотную с молитвенниками в руках» [Абызов 1996, с. 21]. Некоторые представители русской культурной элиты, как Ю. Лотман или Д. Самойлов, даже переезжали в Балтию (нечто вроде полуэмиграции). На наш взгляд, проблема многообразного «европеизирующего» влияния Балтии на Россию требует специального изучения. Между тем не изучена даже такая часть этой проблемы, как роль Балтии в антикоммунистическом и антисоветском движении перестроечной эпохи. Наша статья о влиянии балтийских культур на русских мигрантов, таким образом, посвящена одному из аспектов этой более широкой проблемы балтийского влияния на русское советское и другие советские общества.

" Цифры основаны на данных переписи 1989 г. В разных опросах зачастую приводятся очень разные цифры. Согласно опросу, проведённому в том же 1989 г. Тартусским университетом среди неэстонцев, в совершенстве знали эстонский язык только 8 %, активно владели им — 14 %, пассивно — 53 %, вообще не владели — 21 % [Vihalemm, Lauristin 1997, p. 293.] Скорее всего при переписи респондентами часто сообщались несколько приукрашенные сведения об их владении языками. Для наших целей, однако, это не так уж важно. Если люди преувеличивали своё владение балтийскими языками, значит, они считали, что это владение ценно и важно.

¹² Очень вероятно, что эстонцы, латыши и литовцы при переписи также преуменьшали своё знание русского языка, как русские преувеличивали знание балтийских. Не говорить на русском или говорить на нём с нарочито сильным акцентом и делать вид, что ты его не понимаешь, было своеобразным проявлением национального протеста.

¹³ В своей статье «Русские Узбекистана — городской субэтнос» Е. Абуллаев, говоря о европейской ориентации культуры русских в Узбекистане, пишет: «...Для большинства "русскоязычных", выросших в Узбекистане, география Союза ограничивалась его европейской частью: Москвой, Ленинградом, Киевом, куда они ездили в командировки, Крымом и Прибалтикой, где они стремились провести отпуск. Особенно котирировалась Прибалтика...» [Центральная Азия и Кавказ 2000, с. 213].

¹⁴ А. Ливен приводит слова одного таллинского еврея, который сказал ему: «Величайшей ошибкой лидеров нашего движения за независимость было то, что они с самого начала не обратились с достаточной силой к русским. А не сделали они этого потому, что их ненавидели» [Lieven 1993, p. 304]. Но вряд ли это даже можно назвать ошибкой, ибо сама независимость в громадной мере связывалась в сознании, во всяком случае латышей и эстонцев, прежде всего с избавлением от мигрантов. (См.: [The Baltic States 1994, p. 135].)

¹⁵ Вот некоторые любопытные данные из опроса русских, проживающих в разных республиках бывшего СССР, проведённого Н. Лебедевой, раскрывающие громадные масштабы психологического давления, которому подвергались русские в Балтии. С «открытым нежеланием разговаривать» в Казахстане сталкивались 15,6 % русских, в Узбекистане — 33,3 %, в Азербайджане — 16,7 %, в Эстонии — 57,1 %, Литве — 56,3 %, с «оскорбительными замечаниями и насмешка-

Д. Фурман, Э. Задорожнюк

ми» в Казахстане — 34,4 %, в Узбекистане — 22,2 %, в Азербайджане — 16,7 %, в Эстонии - 32,1 %, в Литве - 43,8 % (См.: [Лебедева 1997, с. 72, 104, 140, 207].)

¹⁶ Цифры эстонских референдумов подтверждаются и проводившимися в то время разного рода социологическими опросами. Так, в январе 1990 г. 16 % русских ответили «да» на вопрос, хотели ли бы они видеть Эстонию в 2000 г. полностью независимой (в 1990 г. мало кому могло прийти в голову, что независимость наступит не в 2000 г., а в следующем году) и только 57 % «суверенной советской республикой» в марте 1990 г. 33 % жителей Нарвы были за выход компартии Эстонии из КПСС [Arter 1996, p. 139]. А. Ливен пишет, что в Латвии и Эстонии никто не думал, что на выборах в Верховные советы в марте 1990 г. сторонники независимости смогут получить две трети голосов. Но они были получены «благодаря русской пассивности и русской поддержке» [Lieven 1993, p. 242].

¹⁷ В опросе участвовали 84,7 % избирателей, за независимость высказались 90,47 %, против — 6,56 %. (Данные социологического опроса участников этого опроса-референдума см.: [Kasatkina 1996, p. 136].) Данные других социологических опросов дают приблизительно такую же картину. Так, по опросу литовского Института философии, социологии и права, проведённому в марте—апреле 1990 г., Акт Верховного совета о восстановлении независимости Литовской Республики от 11 марта 1990 г. не поддерживали 3 % литовцев и 35 % нелитовцев. (См.: [Krukauskiene 1990, с. 19].) Там же приводятся данные других аналогичных опросов.

¹⁸ Постсоветскую Россию иногда сравнивают с веймарской Германией. Действительно, определённое сходство есть. Но вот цифра, поразительная в сопоставлении с аналогичными эстонскими и латвийскими цифрами, говорящая об абсолютно разном отношении немцев к Германии и русских к России. На референдуме в Сааре в 1935 г. за объединение с Германией высказались 91,8 % жителей, за объединение с Францией — 0,4 %. И это, несмотря на то что далеко не все немцы, естественно, были фашистами, а речь шла об объединении с фашистской Германией.

"Английский исследователь Грэхем Смит пишет о голосовании латвийских русских: «Очевидно, несмотря на ясную перспективу стать гражданами "второго сорта" в обществе, где доминировать будут латыши, для многих русских жизнь в обществе с экономикой западного типа казалась более привлекательной, чем продолжение жизни в СССР» [The Baltic States 1994, p. 136]. Нам кажется, что в это утверждение надо внести два корректива. Во-первых, привлекал русских, разумеется, не только чисто экономический аспект западного общества, а западный тип общества в целом. Во-вторых, в тот период нельзя было противопоставлять западный тип экономики и социалистическую экономику в СССР, ибо СССР тоже собирался создавать западный тип экономики. Здесь дело не в капитализме и СССР, а именно в различии культур — притягивающей латышской и отталкивающей своей собственной.

²⁰ Опрос, проведённый в Эстонии в 1993 г., показал, что только 14 % эстонских русских не верили, что их экономические перспективы в Эстонии выше, чем в России. (См.: [Vihalemm 1999, p. 288].) И это в условиях колоссальной безработицы, ударившей прежде всего по русским.

²¹ Это недоверие к России, неверие в неё проявляется в этот период отнюдь не только среди русских в Балтии. При всех громадных отличиях украинской и

Притяжение Балтии

балтийской ситуаций, голосование приблизительно половины русских на Украине за украинскую независимость — явление того же порядка. Экономический фактор, активно пропагандировавшаяся тогда идея, что Украина без России будет очень богата, конечно, играл большую роль. Но он мог играть эту роль лишь при слабости русского национального чувства, которое не перевешивало этих «меркантильных» соображений, и при психологической готовности эти идеи принять, «установки» на то, что в России всё будет трудно и труднее, чем вне России. Можно указать ещё на один важнейший факт такого же рода — массовую эмиграцию из России в конце горбачёвской эпохи на Запад, несомненно, представителей прежде всего наиболее идеологически «западнического» слоя, т. е. эмиграции западников именно в момент западнического выбора России. Опять-таки, экономические трудности России играли при этом громадную роль. Но впечатления от этих трудностей ложились на определённую психологическую почву. Они воспринимались не как временные, а как очень долговременные или даже вечные.

²²Относительно небольшой процент русских в населении, несомненно, главная причина предоставления им гражданства в Литве. Но Пол Колстоу называет и другие возможные причины. «...Будучи принят ещё в ноябре 1989 г., за несколько лет до достижения реальной независимости, закон о гражданстве прежде всего рассматривался как одно из средств достижения этой независимости, и уже поэтому он должен был быть либеральным». Кроме того, эстонско-латвийская идея юридической несостоятельности всего, что произошло в период «оккупации» для Литвы, которая именно от советских завоевателей получила Виленскую область, была чревата большими правовыми и политическими осложнениями (см.: [Kolstoe 1995, p. 139]).

²³О латвийском экзамене на знание языка, истории и законов Верховный комиссар ООН по делам меньшинств голландец М. ван дер Стул сказал, что немногие голландцы смогли бы выдержать аналогичный экзамен по языку, истории и правам Нидерландов [Котов 1999, <http://www.press.lt/cgi-bin/>].

²⁴Котов приводит такие данные: в Латвии неграждане имеют 55 ограничений в правах, в том числе 19 запретов на профессии (полиция, прокуратура и суд, армия и т. д.) [Котов 1999, <http://www.press.lt/cgi-bin/>].

"В Латвии Даугавпилсский горсовет, выдвигавший автономистские планы, был распущен после августовского путча. В Эстонии Нарвский и Силламяэский горсоветы (горсовет третьего города с русским большинством — Кохтла-Ярве — отказался) в июле 1993 г. провели референдум о национально-территориальной автономии. В Нарве к урнам пришли 54 %, в Силламяэ — 60 % избирателей. За автономию высказались в обоих городах более 90 %. Эстонские власти, естественно, не признали референдум имеющим законную силу и через некоторое время к власти в обоих городах пришли «сложисты». (См.: [Melvirt 1995, p. 49]. Идея автономии забывается. Надо подчеркнуть, что на референдуме 1993 г. речь шла именно об автономии, а не об отделении по типу тираспольского. Идея «права на отделение» в русских анклавах Балтии почти полностью отсутствовала даже в 1993 г. По опросу февраля 1993 г. за «право русских на отделение» в Даугавпилсе было 4 %, в Клайпеде — 5 %, Нарве — 2 %, против — 67 %, 60 % и 62 %. (См.: [The Baltic States 1994, p. 200].)

²⁶ В Эстонии в результате пассивности русских и соперничества русских партий на выборах 1992 г. русские вообще не прошли в парламент. В 1995 г. возник альянс русских партий под названием «Наш дом — Эстония», который получил 5,9 % голосов и провёл шесть депутатов (см.: [Arter 1996, p. 235].) Но это — только треть от 18-процентного русского электората. Большинство русских предпочли голосовать за эстонские Коалиционную партию и Партию центра. (Op. cit., p. 234). В 1999 г. в парламент снова прошли только шесть русских депутатов. В Литве, как отмечает Н. Касаткина, существует множество русских организаций, о которых большинство русских и не подозревают. Здесь русские поддерживают в основном Демократическую партию трудящихся Бразаускаса. (См.: [Kasatkina 1996, p. 137].) На выборах в сейм в 1996 г. русские партии не смогли преодолеть 5-процентного барьера и провести своих депутатов, на выборах 2000 г. Союз русских Литвы провёл трёх депутатов в рамках единого списка, возглавлявшегося А. Бразаускасом. Наиболее активны и относительно успешны русские партии Латвии. Но и здесь на выборах в сейм в 1993 г. поддерживаемые русскими и выступающие за предоставление гражданства всем жителям партии «Равноправие» и «Согласие для Латвии» получили только 5,77 % и 11 %, 98 % голосов, что значительно меньше 28 % русских избирателей. (См.: [Melvin 1995, p. 43].) В 1998 г. объединение «За права человека в единой Латвии» смогло получить 14,7 % голосов, проведя в сейм 16 депутатов.

²⁷ Ситуация русских в межвоенной Балтии очень отличалась от теперешней, да и сами русские были совсем другие. Тем не менее и тогда русские проявили ту же неспособность объединиться и использовать имевшиеся у них политические возможности, что и теперь. Русские также были недопредставлены в парламентах и также предпочитали голосовать за партии коренных народов. В этом отношении противоположность им представляло немецкое меньшинство, которое при всех своих политических расхождениях, в вопросах, имеющих национальное значение, выступало сплочённо, единым фронтом и даже было перепредставлено в парламентах (см.: [Garleff 1978]). В сегодняшней Литве русских — 8,2 %, а поляков — 6,9 %, т. е. значительно меньше. Тем не менее в сейме 1992 г. было шесть поляков и трое русских, в сейме 1996 г. — трое и двое. В Польском союзе, главной политической организации литовских поляков — около 10 тыс. членов, Союзе литовских русских — 50 [Department of National <http://www.is.lt/tmid/anglo/minorities.htm>].

²⁸ В Литве в каких бы то ни было русских организациях, включая кружки, собирающиеся попеть и послушать русские песни, участвуют не более 1000 человек из 308 тыс. литовских русских [Мелянас 1999. <http://www.press.lt/cgi-bin/>]. Вообще участие русских в каких-либо добровольных организациях резко ниже, чем у представителей балтийских народов. Так, по данным опроса 1997 г., в таких организациях участвовали 13 % эстонцев, 9 % латышей, 8 % литовцев, 5 % русских в Эстонии, 2 % — русских в Латвии и 5 % русских в Литве.

²⁹ Эта общая высокая оценка балтийских народов и балтийских институтов русскими, даже более высокая, чем их оценка самими балтийскими народами, проявляется и в ряде ответов на некоторые конкретные вопросы, лишь косвенно связанные с такой оценкой. Так, среди предпринимателей-эстонцев по опросу 1996 г. 16,2 % считали, что при решении вопросов организационно-правового характера с представителями власти решающим фактором является взятка.

Притяжение Балтии

Среди русских так считали только 5,7 %. Проводившие опрос Р. Симонян и Т. Кочегарова пишут: «У русских предпринимателей представление о чиновниках государственного аппарата республики выглядит несколько романтичнее, чем у предпринимателей эстонцев» [Неэстонцы на рынке труда 2001, с. 85].

³⁰ Хотя русская молодежь склонна идентифицировать себя с русской национальной общностью меньше, чем представители старшего поколения, среди молодых русских видно скорее стремление к некоей неопределённой русско-европейской идентификации, чем к идентификации именно с теми балтийскими странами, в которых они живут. В этом отношении очень интересен один эстонский опрос 1995 г. Заявили, что они идентифицируют себя с «русскими ближнего зарубежья» 33 % русских 55—70 лет и только 15 % 18—24 лет. Но с «эстонскими русскими» старики тоже идентифицируют себя чаще, чем молодёжь, хотя различия и очень невелики: 71 % и 69 %. Зато значительно чаще, чем старики, молодёжь выбирает такие идентификации, как «европейские русские» (6 % представителей старшего поколения и 21 % молодых) и «балтийские русские» (16 % и 29 %). (См.: [Vihalemm 1999, p. 295].) На наш взгляд, это говорит о желании многих молодых русских в Эстонии всё-таки сохранить свою «русскость», одновременно «отгородившись» от России и сочетая её с некоей «общевропейской» ориентацией. Возможно, свидетельством стремления избежать ассимиляции является и резкий рост православной религиозности эстонских русских, демонстрирующих сейчас значительно большую религиозность, чем русские в России и чем эстонцы. В 1998 г. идентифицировали себя как верующие 49 % русских и только 14 % эстонцев, русских в России — 34 % в 1996 г. и 40 % в 1999 г.). Посещали церковь чаще, чем раз в месяц, в 1998 г. 13 % русских в Эстонии и 6 % эстонцев (В России в 1996 г. - 7 %). (См.: [Хейно 2000, с. 244-246].) Ясно, что такая относительно большая религиозность не может объясняться влиянием эстонской среды. Скорее, наоборот, здесь действует некоторое «мягкое» стремление утвердить свою культурно-религиозную особость, дистанцироваться от этой среды. Очень характерно, что в Эстонии религиозность русских значительно выше в Таллине, чем в Восточном Вирумаа (Нарва, Кохтла-Ярве), где они проживают компактно и составляют большинство населения и где поэтому ассимиляционистские силы действуют слабее. (См.: [Хейно 2000, с. 246].) Таким образом, мы видим, что существуют не только ассимиляционистские тенденции, но и определённое стремление сохранить себя, избежать ассимиляции. Мы не считаем даже, что «записавшиеся» или «записанные» сейчас в эстонцы, латыши и литовцы русские обязательно полностью потеряны для русского народа. Из многочисленных исследований поведения иммигрантов в различных странах известно, что в ее следующих, уже полностью вписавшихся в новую среду поколениях может возникнуть стремление вспомнить свои корни и историческую родину и даже культивировать свою ставшую маргинальной «особость».

³¹ Это высказывание находит прекрасное подтверждение в данных справочника «Who is who in Latvia» (Riga, 1996), дающего краткие биографии представителей латвийской элиты. В правительстве Латвии из 28 членов кабинета к моменту составления справочника только один человек — носитель нелатвийской фамилии, в сейме — 9 из 100 депутатов, из 170 представителей научной элиты — 30,

Д. Фурман, Э. Задорожнюк

среди деловой элиты в целом около 30 %, а среди представителей финансового сектора деловой элиты — 55 человек из 160.

³² Посол Латвии в России Я. Петерс в 1992 г. говорил даже о том, что в руках нелатышей — 82 % латвийского капитала.

"По данным российско-латвийских исследований 1993 и 1996 г., в 1993 г. латыши составляли 20,2 % латвийских предпринимателей, русские — 59,5 %, белорусы — 4,9 %, украинцы — 4,8 % и евреи — 2,8 %, в 1996 г. соответственно — 31,5 %, 53,8 %, 4,5 %, 4,6 % и 2,7 %. (См.: [Симомян 1997, с. 135].

³⁴ Примеров подобного отношения к своей собственной стране и культуре, заглушаемых компенсаторным национализмом, можно привести массу. Стоит вспомнить у Достоевского образ Смердякова, жалеющего, что умный народ — французы — не завоевал глупый народ — русских. Мы лично не знаем аналогий этому образу ни у одного из классиков западноевропейской литературы. Между тем Достоевский не просто выдумал Смердякова. Он где-то слышал такого рода речи, а скорее всего эти речи произносила некая часть души самого автора, который, чтобы избавиться от подобных мыслей, приписал их отвратительному «недочеловеку». Трудно сказать, усилилось ли это негативное отношение к самим себе за советский период. Скорее всего, всё же усилилось.

Литература

- Абуллаев Е.* Русские Узбекистана — городской субэтнос. 2000. № 5(11).
- Абызов Ю.* Эскапизм как подоснова русско-балтийского бытия // Русские в Прибалтике. Вильнюс, 1996.
- Антане А., Цилевич Б.* Латвия: модель этнологического мониторинга. М., 1997.
- Арутюнян Ю.В., Дроблжева Л.М.* Русские в распадающемся союзе // Отечественная история. 1992. № 3.
- Биркенбах Х.-М.* Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. Взгляд международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии. М., 1998.
- Демографический ежегодник России. 2000. М., 2001.
- Диаспора становится еврурусской // Российская газета. 1998. 18 июля.
- Кабузан В.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719—1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996.
- Каротом Н.* Отражение динамики социально-национальных связей в национальном самосознании // Социальные процессы накануне перестройки. Таллинн, 1989.
- Кирх А.В., Ярве П.Э., Хаав К.Р.* Этносоциальная дифференциация городского населения Эстонии. 1988. № 3.
- Котов Г.* О положении национальных меньшинств Латвии. Материалы конференции «Русские Балтии: меньшинство и гражданское общество». Вильнюс, 23-25.04.1999. <http://www.press.lt/cgi-bin/>
- Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М.: РАН, 1997.
- Мелянас И.* Этнические партии и представительство в парламенте этнических групп. Материалы конференции «Русские Балтии: меньшинство и гражданское общество» Вильнюс. 1999. 23—25. апреля, <http://www.press.lt/cgi-bin/>
- Молодёжь Эстонии. 1991. 26 февр.
- Молодёжь Эстонии. 1991. 6 марта.

Притяжение Балтии

- Национальный состав населения СССР (по данным всесоюзной переписи 1989 г.). М.: Финансы и статистика, 1991.
- Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Канон-Пресс-Ц., 2001.
- Русские: Этносоциологические очерки / Отв. Ред. Ю.В. Арутюнов. М., 1992.
- Русские в новом зарубежье (итоги этносоциологического исследования в цифрах) / Отв. ред. С. Савоскул. М., 1996.
- Савоскул С. С. Русские Балтии: миграции в контексте новых проблем // Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / Отв. ред. С. Савоскул. М., 1997.
- Савоскул С. С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
- Смирнов А. Нас, эстонцев, станет больше // Новые известия. 2001. 7 сент.
- Советская Эстония. 1989. 8 авг.
- Советская Эстония. 1991. 5 марта.
- Талига Х.Л. О динамике национального состава трудящихся ЭССР в 1970—1980 гг., Социальные процессы накануне перестройки / Сост. и научн. ред. Р. Везрман. Таллинн, 1989.
- Тульский М. Истинное лицо демографической катастрофы // Независимая газета. 2001. 19 июля.
- Хейно Х. Массовое сознание русских и их религиозность в условиях национального меньшинства (русские в современной Эстонии) // Старые церкви, новые верующие / Под ред. К. Каарийнена и Д. Фурмана. М., 2000.
- Arter D. Parties and Democracy in the Post-Soviet Republics. The case of Estonia. Darmouth, 1996.
- Gaidys V. Attitudes towards the Economic System in the Baltic States // Streaming towards Social Stability. Social Studies. № 4. Vilnius-Tampere, 2000.
- Garleff M. Ethnic Minorities in the Estonian and Latvian Parliaments. The Politics of Coalition // The Baltic States in Peace and War / Ed. by Stanley Vardys and Romuald Misiunas. University Park and London, 1978. Department of National Minorities of Lithuania. <http://www.is.lt/tmid/anglo/minorities.htm>.
- Kasatkina N. Russians in the Lithuanian State: The Historical Perspective of the National Identity // Changes of Identity in Modern Lithuania (Social Studies. № 2). Vilnius, 1996.
- Kirch A. Russians in contemporary Estonia — different strategies of the integration into the Nation-State // The Baltic States at Historical Crossroads. Academy of Sciences of Latvia / Ed. by dr. Talavs Jundzis. Riga, 1998.
- Kirsh A., Kirsh M., Tuisk T. A Non-Estonian Population today and tomorrow. A Sociological Overview. Tallinn, 1992.
- Kolsioe P. Russians in the Former Soviet Republics, (with a contribution by Andrei Edemsky). L., 1995.
- Krukauskieni E. The Survey of Notions about the Independence of Lithuania in its diverse languages speaking regions // Социологические исследования в Прибалтике. Вильнюс, 1990.
- Krupavicius A. The development of Lithuania's parties and their international contacts // The Baltic States at Historical Crossroads. Riga, 1998.
- Kuzmickaite L. Ethnic and Territorial Identities // Changes of Identity in Modern Lithuania (Social Studies. № 2). Vilnius, 1996.
- Latvijas Demografiskas Gadagramata. 1997. V. 2. Riga, 1997.
- Levits E. Lettland unter der Sowjetherrschaft und auf dem Wege zur Unabhangigkeit ("Die Drei Baltische Nationen" hrsg. Von Borids Meissner. Koln. 1991.
- Lieven A. The Baltic Revolution (Estonia, Latvia, Lithuania and Path to Independence). New Heaven; L.: Yale University Press, 1993.
- Melvin N. Russians beyond Russia (The Politics of National Identity). L., 1995.

Д. Фурман, Э. Задорожнюк

- Misiunas R., Taagepera R.* The Baltic States. Years of Dependence. 1940-1990. L., 1993.
- Panning T.* Population Change and Processes // A Case Study of a Soviet Republic. The Estonian SSR. Boulder. CO, 1978.
- Return to the Western World (Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition) / Ed. by M. Lauristin and P. Vihalemm. Tartu, 1997.
- The Baltic States (The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania) / Ed. by Graham Smith. Macmillan, L., 1994.
- The Estonian Independent. № 49. 1991. 7 марта.
- Vihalemm T.* Formation of Collective Identity among Russophone Population of Estonia. Tartu, 1999.
- Vihalemm T., Lauristin M.* Cultural Adjustment to the Changing Societal Environment: The case of Russians in Estonia // Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition. Tartu, 1997.
- Who is who in Latvia. Riga, 1996.
- Zepa B.* Social Integration in the Baltic States. Streaming towards Social Stability. (Social Studies. № 4). Vilnius; Tampere, 2000.